

Q 13341

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

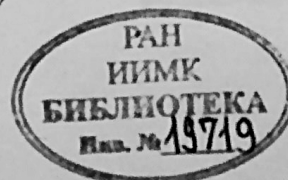
*В библиотеку
ИИМК РАН*

Горашко

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.*

«Аграф-Пресс»
2010

ствуют характерные для «пазырыкцев» выкладки, «курганчики», устроенные рядами с западной стороны. По формальным показателям отдельные разновидности ритуальных объектов обнаруживают большее сходство с теми, что существовали на Алтае в раннескифское время. Объяснение данного наблюдения требует самостоятельного исследования.

3. Культурная атрибуция «жертвенников» пока вызывает сомнения. Они происходят с плоскогорья Укок и скорее всего, являются результатом влияния традиций соседних племен Тувы и Северо-Западной Монголии.

4. Варибельность конструкции рассмотренных памятников свидетельствует о разнообразии производимых культовых действий. Семантика сооружений и действий, связанных с ритуальной сферой, была различной, вопрос о назначении многих объектов является дискуссионным. Так, требует решения вопрос о культовом назначении памятника Кучерла-I, содержащего объекты интересующего нас времени (Деревянко, Молодин, 1990).

5. В отдельном изучении нуждается вопрос об интенсивности и направленности культурных контактов в сфере ритуальной деятельности между населением булан-кобинской и тюркской культур.

Всё разнообразие и сложность пространств для реализации ритуальных действий не сводятся к предложенной нами группировке объектов.

А.В. ПОЛЯКОВ

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЕЛОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ

Исследователи неоднократно отмечали связь еловской и карасукской культур (Косарев М.Ф., 1964, с. 10–14, 1981, с. 153, 160–161; Матющенко, 1974а, с. 143–150; Матющенко, Сотникова, 1984, с. 49–50; Вадецкая, 1986, с. 64–65). Однако вопрос остаётся актуальным. Новые материалы позволяют детально взглянуть на процесс взаимодействия культур, определив в том числе и вектор воздействия. Данная статья нацелена лишь на рассмотрение частного вопроса о появлении в ранних карасукских погребениях серии посуды еловского облика.

Углублённое изучение материалов эпохи поздней бронзы Среднего Енисея позволило предложить новую более дробную относительную хронологию памятников (Поляков, 2002; 2006; 2009; Лазаретов, 2006; Лазаретов, Поляков, 2009). Выделено четыре этапа, подразделяющихся на восемь хронологических горизонтов. Для ранних этапов (I и II), соответствующих, по М.П. Грязнову, «классическому» этапу карасукской культуры, была предложена новая типология керамики. От собственно карасукских типов керамики отделено несколько малочисленных серий сосудов (типы V–VIII), не имеющих прямого отношения к местной гончарной традиции (Поляков, 2006, с. 7–9; 2009, с. 458–459).

Одна из этих серий (V тип) представляет значительный интерес для рассматриваемого вопроса (рис. 1/1–7). Это профилированные сосуды горшковидной формы с уплощённым дном (18 экз.). Обычно они орнаментированы одной или двумя полосами ромбов по тулову, нанесённых резными линиями, хотя в единичных случаях представлены и иные орнаменты (треугольные шевроны, меандр, сетка). Данная серия посуды устойчиво связана с наиболее ранним хронологическим горизонтом I-а, что устанавливается по горизонтальной стратиграфии кладбищ и анализу встречаемости с керамикой традиционных типов.

По ряду стадильных признаков: отсутствие орнаментации на венчике и в придонной части, горшковидная с уплощённым дном форма сосудов, керамика V типа не отличается от собственно карасукской, характерной для хронологического горизонта I-а. Однако, выделять её в самостоятельный тип позволяют два принципиальных момента. Во-первых, отсутствие уступа у основания шейки – обязательного признака для всей карасукской посуды этого хронологического горизонта. И, во-вторых, специфичный набор орнаментов, в таком виде на карасукской посуде практически не встречающийся.

Керамика V типа отмечена далеко не во всех погребальных памятниках. Это связано в первую очередь с её малочисленностью – менее 5 % от общего числа сосудов горизонта I-а. Большинство сосудов V типа обнаружено в составе двух очень крупных могильников: Сухое Озеро II и Малые Копёны III (Зяблин, 1977). Единичные сосуды найдены при раскопках могильников: Мохов VI и Усть-Ерба. Именно «растворённость» в большой массе посуды долгое время не позволяла обособить эту керамику. Только собрав её вместе, удалось обратить внимание, на прямые аналогии с сосудами I Еловского могильника, в основном из курганов 21 и 32 (Матющенко, 2001) (рис. 1/8–23).

В первую очередь обращает на себя внимание идентичность формы сосудов. Это горшки с характерной профилировкой и уплощённым дном. Для керамики обеих групп также свойственна одинаковая зональность нанесения орнамента: на плечиках и тулове сосудов, изредка по шейке, венчик и придонная часть не орнаментируются. Но наибольшее значение при сопоставлении играют орнаменты. В обоих случаях наиболее характерны полосы ромбов, выделенные с двух сторон горизонтальными резными линиями (рис. 1/1, 3, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 22). Аналогии могут быть легко найдены и уникальным орнаментам, представленным на карасукской посуде V типа в единичных случаях: меандр (рис. 1/2, 11); треугольные шевроны (рис. 1/4, 15, 16); сетка на шейке сосуда (рис. 1/5, 17, 18, 19); точки в центре ромбов или ячеек сетки (рис. 1/6, 7, 19, 20, 21, 22, 23); кресты (рис. 1/5, 21). Всё это не оставляет сомнений в родственных связях двух сопоставляемых групп.

Если для карасукских памятников сосуды V типа явление редкое, то похожая керамика встречается не только в курганах 21 и 32 могильника Еловский I. Они найдены и в других сооружениях этого памятника (Матющенко, 2001, рис. 5/2, 6; 7/9; 9/2 и др.), а также в могильника Еловский II (Матющенко, 2004, рис. 311/2;

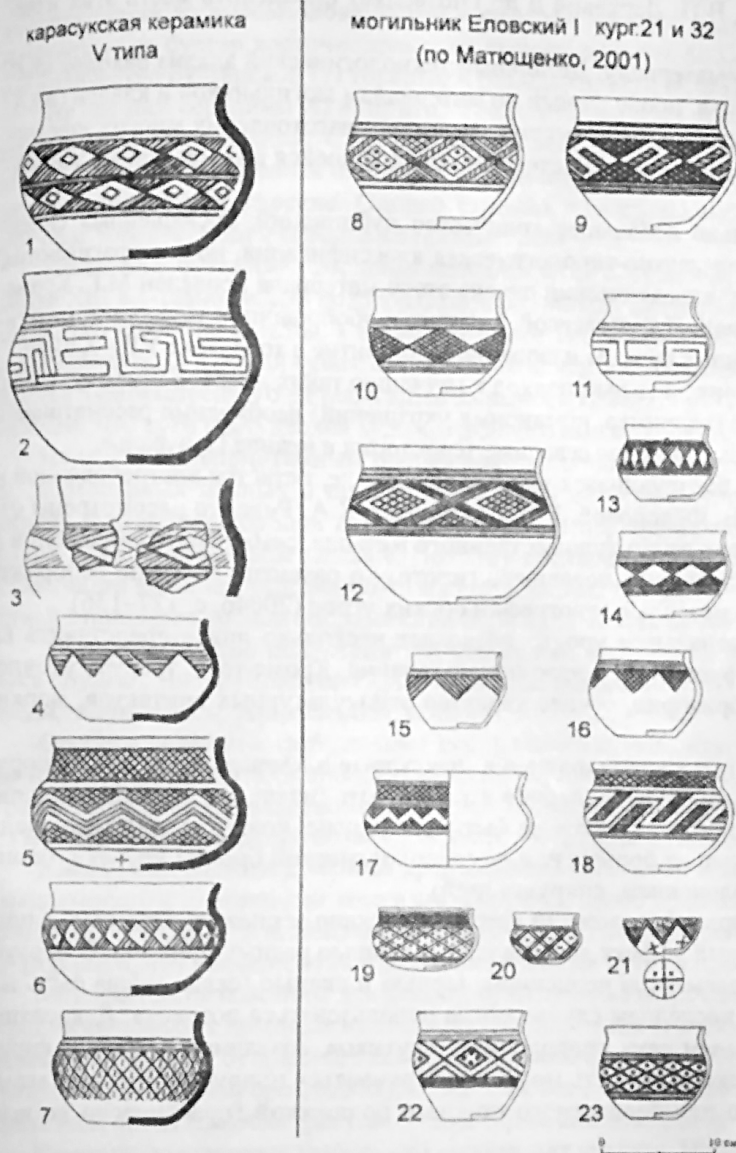

Рис. 1. Сопоставление карасукской керамики V типа и материалов могильника Еловский I
 Сухое Озеро II: 1 – курган 248-а; 3 – курган 113; 5 – курган 374;
 Малые Копёны III: 2 – курган 31 могила 1; 4 – курган 77 могила 2; 6 – курган 72 могила 2; 7 – Малые Копёны III курган 75 могила 1; Еловский I, курган 21:
 8 – могила 3; 9 – могила 4; 10 – могила 5; 11 – могила 12; 14 – могила 19;
 15 – могила 19; 17; 18; 19 – могила 7; 20 – могила 6; 21 – могила 10;
 22 – могила 11; 23 – могила 18; Еловский I, курган 32: 12 – могила 1; 13; 16

Матющенко, 2001, рис. 5/ 9; 9/ 5; 10/ 5; 12/ 2; 20/ 3, 4 и др.). По-видимому, в этот период вектор взаимных влияний диаметрально изменился.

К.А. РУДЕНКО
 Россия, Казань

Институт истории АН РТ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПОВОЛЖЬЯ
 В X–XV ВВ. ПО НАХОДКАМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА

Об экономических и культурных связях средневекового населения Поволжья и Западной Сибири по находкам художественного металла написано достаточно много. Не останавливаясь подробно на истории вопроса, требующей специального исследования, отметим, что значительный вклад в его изучение внесли В.А. Оборин, В.Ю. Лещенко, А.М. Белавин, Н.В. Фёдорова, Б.И. Маршак, В.П. Даркевич и др. В последнее десятилетие увеличилось общее количество таких находок и их ассортимент. Публикации Н.В. Фёдоровой, А.В. Бауло, К.Г. Карачарова, Е.М. Черных, где они детально проанализированы и атрибутированы, позволяют существенно расширить аналитическую базу по данной теме (Руденко К.А., 2007а, с. 90–94). Наличие специальных исследований восточной средневековой тюркетики

312/ 2; 329/ 5; 365/ 3; 394/ 2, 4, 7 и др.) и на Еловском поселении (Матющенко, Игольников, 1966, рис. 2/ 5, 13). Посуда этого типа является одной из важных составляющих керамической традиции еловской культуры. Если сравнивать погребения карасукской и еловской культур, где найдена эта посуда, никаких других элементов сходства обнаружить не удастся. В обоих случаях эти могилы полностью соблюдают обряд характерный для своей культуры.

Можно сделать некоторые выводы. На самом раннем хронологическом горизонте I-а в погребениях карасукской культуры изредка встречаются сосуды более характерные для еловских памятников Западной Сибири. В дальнейшем их влияние можно проследить в сохранении на более поздних образцах карасукской посуды, выделенной резными линиями полоса ромбов в составе сложных композиций (Зяблин, 1977, рис. 8/ 1, 2, 5, 6, 7, 11; Паульс, 2000, рис. 4/ 1, 2, 4; Савинов, Поляков, 2007, рис. 8/ 6 и др.). Возможно, в этом отражено участие, хотя и очень незначительное, населения еловской культуры в сложении памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

На более позднем этапе культурного развития появляются и другие свидетельства контактов представителей двух культур Среднего Енисея (этап II). Исследователи отмечали некоторые типы посуды, ярусные бляшки, квадратные бляшки с четырьмя приливами, «гвоздики», некоторые типы серёг, перстни с биконическим щитком, оселки с отверстиями на концах и другие изделия (Матющенко, Сотникова, 1984, с. 49). Они широко представлены в составе карасукских памятников II этапа, а в погребениях еловских могильников встречаются наоборот изредка (например,